

Пандемия и цифровые технологии на глобальном Юге

Дмитрий Муравьев (р. 1998) – студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», участник клуба любителей интернета и общества. Сфера научных интересов – интернет-управление, критические исследования данных, исследования науки и технологий.

Пандемия COVID-19 отлична от всех прочих тем, что сопровождается работой с большими объемами цифровых и статистических данных, осуществляющей государствами, коммерческими компаниями, некоммерческими организациями. В 2020–2021 годах – а вероятно, это продолжится и далее – учреждения здравоохранения, а также сами правительства стали использовать данные для наблюдения, к примеру, за состоянием больных или для создания новых форм контроля за поведением через геофиксацию местоположения граждан. Наблюдая за этими процессами, мы видели *датафикацию* пандемии – то есть процесс перевода в данные (*data*) тех аспектов жизни, которых до того никто не пытался квантифицировать¹. СМИ и социальные сети наполнены разнообразными визуализациями распространения вируса, а эксперты и политики в своих выступлениях постоянно привлекают данные, чтобы объяснить, в каком положении мы оказались.

Но кто такие эти «мы»? Однакова ли «наша» позиция в этом процессе или же употребление местоимений «мы» и «наш» не более чем риторическая попытка собрать воедино множественный, плохо поддающийся унификации опыт? «Мы» находимся в двойственном положении, поскольку являемся одновременно и объектом и субъектом познания, основанного на данных. Однако, даже став неотъемлемой частью социальных отношений, основанные на данных решения ни в коем случае эти отношения не унифицировали. Политику данных нельзя рассматривать в качестве универсализирующей силы, поскольку она слишком сильно зависит от множества пересекающихся и накладывающихся друг на друга контекстов – национальных, социальных, экономических, городских и так далее. Это и есть краткая формулировка общей позиции авторов сборника «COVID-19 from the Margins», который призывает с вниманием относиться к социальным, политическим, географическим различиям, возникающим в момент, когда данные становятся частью социальных институтов и отношений, по-

¹ MAYER-SCHOENBERGER V., CUKIER K. *Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think.* London: John Murray Publishers, 2013.

литических курсов, тактик низового сопротивления и, наконец, просто частью нашей повседневности (р. 14–23).

Сборник составлен из 47 коротких статей, в которых авторы размышляют над важными с их точки зрения изменениями, вызванными COVID-19 в странах (преимущественно) глобального Юга. У читателя есть возможность узнать о пандемии в Индонезии, Бразилии, Аргентине, Индии, Перу, но также в Италии, Шотландии, Австралии, Израиле. Такой расширительной трактовке Юга есть объяснение – о нем ниже. В сборнике представлены тексты, написанные на английском, испанском и китайском языках.

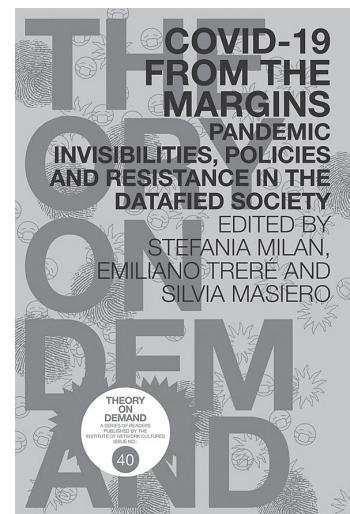
При таком количестве статей исчерпывающий анализ всех приводящихся там аргументов вряд ли возможен. Поэтому я предлагаю другой вариант обсуждения книги, включающий два последовательных шага. Во-первых, я раскрою контекст исследовательского блога «Big Data from the South» («Большие данные с Юга»), который – по признанию самих редакторов – способствовал появлению рецензируемого сборника. Во-вторых, я расскажу о центральных темах издания и кратко охарактеризую те способы работы с ними, которые предлагают нам авторы.

КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

«Большие данные с Юга» – это блог, запущенный в октябре 2017 года в рамках исследовательского проекта «DATAACTIVE» Амстердамского университета. Авторы этого проекта работают с широко определяемой темой политики (больших) данных, уделяя особое внимание data-активизму – разновидности активизма, которая превращает данные в неотъемлемую составляющую политической борьбы. Data-активисты либо включают сами данные в повестку политической борьбы (к примеру – организуют общественные кампании в защиту пользовательской приватности), или же используют их как инструмент политических изменений (например начиная общественную дискуссию о какой-нибудь социальной проблеме путем сбора данных о ней)². Блог работает как продолжение и расширение исследовательского проекта, в котором его сотрудники и их единомышленники пишут о темах и результатах своих исследований (и о близких сюжетах), при этом часто затрагивая и текущую социально-политическую повестку.

² См. статью Дэвида Бералдо и Стефании Милан: BERALDO D., MILAN S. *From Data Politics to the Contentious Politics of Data // Big Data & Society*. 2019. Vol. 6. № 2. P. 1–11. О бальтернативных и более ранних определениях data-активизма см.: MILAN S. *Data Activism as the New Frontier of Media Activism // YANG G., PICKARD V. (Eds.). Media Activism in the Digital Age*. London: Routledge, 2017. P. 151–163.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ
ПАНДЕМИЯ И ЦИФРОВЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ НА ГЛОБАЛЬ-
НОМ ЮГЕ

COVID-19 from the Margins. Pandemic Invisibilities, Policies and Resistance in the Datafied Society
MILAN S., TRERÉ E.,
MASIERO S. (Eds.).
Amsterdam: Institute of
Network Cultures, 2021. –
280 p.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ

ПАНДЕМИЯ И ЦИФРОВЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ НА ГЛОБАЛЬ-
НОМ ЮГЕ

Стоит отметить специфику того, что понимается под «Югом» в рамках этой инициативы. Развернутое объяснение можно найти в статье Стефании Милан, руководительницы «DATAACTIVE», и ее коллеги Эмилиано Трере, которые поддерживают «гибкое, широкое и плюралистическое определение Юга(-ов)... рассматривает его как место (и как посредника) изменчивости, сопротивления, подрывной деятельности и творчества, принимая динамизм и множественность интерпретаций, выходя за рамки геополитического обозначения»³. Для них Юг не может быть сведен к конкретным пространствам – вместо этого, существует многообразие «Югов», элементы которых могут быть обнаружены и в странах глобального Севера. Таким образом, Юг перестает быть связанным с географией, а становится обозначением мест, в которых «люди страдают от дискrimинации и/или оказываются сопротивление несправедливости и угнетению и борются за лучшие условия жизни против надвигающегося data-капитализма»⁴.

{ Политику данных нельзя рассматривать в качестве универсализирующей силы, поскольку она слишком сильно зависит от множества пересекающихся и накладывающихся друг на друга контекстов – национальных, социальных, экономических, городских.

Когда началась пандемия, редакторы блога объявили о приеме статей на эту тему. Из 47 текстов, предложенных между маем и октябрем 2020 года, и была составлена книга. Авторы отправляли свои посты на рассмотрение редакторов блога, которые принимали решение о публикации. В первой половине 2021 года книга уже была сверстана и опубликована в открытом доступе Институтом сетевых культур – удивительно быстро для издания с академической спецификой⁵.

И это представляется неслучайным – весь проект создания и издания сборника может быть понят как работа с иной темпоральностью производства академического знания. Дискуссии

³ MILAN S., TRERÉ E. *Big Data from the South(s): Beyond Data Universalism* // *Television & New Media*. 2019. Vol. 20. № 4. P. 319–335.

⁴ Ibid. P. 325.

⁵ Институт сетевых культур (Institute of Network Cultures) – организация, основанная в Амстердаме медиаисследователем и активистом Гертом Ловинком в 2004 году. Работа Института носит междисциплинарный характер, в ее рамках «исследование» понимается максимально широко – туда включается работа не только академических ученых, но также художников, компьютерщиков, активистов. В рамках Института организуются события, исследовательские проекты, ведется свой блог, имеется специальная новостная лента. Работа Института часто выходит за рамки производства чисто академического знания, что позволяет ему выпускать книги несколько быстрее.

об этом сейчас активно разворачиваются, и нормативно заданные временные сроки производства академического знания (преимущественно через написание текстов) подвергаются критике с разных сторон. Если у одних исследователей фрустрацию вызывает необходимость непрерывно публиковаться – и ответом на это часто становится идеал «медленной науки» (*slow science*), – то для других проблема скорее заключается в том, что производство академического знания недостаточно динамично. Редакторы сборника, судя по всему, сторонники второго подхода – стремительная публикация становится способом придать текстам максимальную актуальность, в том числе и за пределами академии.

Редакторы определили жанр сборника как «моментальную историю». Этот жанр балансирует на грани между исследовательской работой и серьезной публицистикой. Принципиальным моментом был отказ от обновлений статей и указания дат написания текстов. Как свидетельствуют сами редакторы, «эта множественность историй отражает ускоренное и одновременно аномальное время самой пандемии, поскольку разные регионы и сообщества пострадали в разное время и в разных смыслах» (р. 20). Тексты сборника позволяют зафиксировать уже наблюдаемые изменения и дать основания для дальнейшей, более последовательной и медленной работы.

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ТЕМЫ СБОРНИКА

Статьи сборника распределены по пяти ключевым темам. Первая – человеческие «невидимости» и политики подсчета (*human invisibilities and the politics of counting*). Здесь авторы анализируют проблему слежки и наблюдения в странах глобального Юга, обращая особое внимание на технологические особенности многочисленных приложений для отслеживания переносчиков вируса. В публичных дискуссиях о пандемии часто высказывается мысль, что государства усилили свою биополитическую власть над населением. В этом разделе читатель среди прочего убедится, что эта мысль лишь отчасти отражает ситуацию в Латинской Америке.

Критике распространенного положения об усиливающейся биополитической власти в период пандемии посвящен текст Сильвио Вайсброда и Марии Соледад Сегура (р. 29–32). Они утверждают, что если биополитика предполагает заботу о здоровье населения ради умножения политической и экономической власти, то во многих странах Латинской Америки отсутствуют требующиеся для такой заботы инфраструктура и политическая воля. Это влечет за собой необходимость более

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ
ПАНДЕМИЯ И ЦИФРОВЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ НА ГЛОБАЛЬ-
НОМ ЮГЕ

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ

ПАНДЕМИЯ И ЦИФРОВЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ НА ГЛОБАЛЬ-
НОМ ЮГЕ

осторожно переносить утверждения о работе той или иной формы власти из одного контекста в другой. В то же время в тексте о стереотипах, распространенных в Европейском союзе, Луиза Бялашевич показывает, что культурно укорененные представления о разных странах (к примеру – о «трудолюбивом севере Европы» и «ленивых южанах») остаются частью дискурса европейских политиков и используются для обоснования мер экономической взаимопомощи или же отказа от нее (р. 33–38). Таким образом, европейская политика продолжает во многом формироваться с оглядкой на эти устойчивые взаимные стереотипы. Наблюдения Бялашевич могут послужить стартовой точкой для размышлений о том, как пандемия повлияла на внутренние отношения стран ЕС – как на уровне конкретных политических решений, так и на уровне дискурса политических лидеров.

Вторая тема – закрепленные уязвимости и неравенства (*perpetuated vulnerabilities and inequalities*). Авторы документируют как опыт тех групп, труд которых стал необходимым в период пандемии, так и тех, кто наиболее пострадал от коронавируса. Это касается курьеров, прекарных и платформенных работников, представителей ЛГБТ+, мигрантов и других маргинализированных сообществ. В статьях, посвященных этой теме, авторы демонстрируют, что и без того сложное положение указанных групп лишь ухудшилось вследствие пандемии.

В своем тексте о положении представителей ЛГБТ+ в период пандемии в Бразилии Рикардо Ром и Жозе Отавио Мартинс выдвигают тезис, что предлагаемое национальным правительством решение «остаться дома» игнорирует жизненную ситуацию ЛГБТ+ людей, которые часто не принимаются членами их семей из-за сексуальной или гендерной идентичности (р. 65–69). Тем самым то, что доступно большинству социальных групп – возможность просто осться дома, – для маргинализированных сообществ трудно осуществимо или попросту исключено.

Третья тема – datafied social policies. Авторы показывают роль решений, основанных на данных, в перераспределении ресурсов и в работе социальных служб. Важно, что сам получатель такой помощи начинает определяться исходя из новых форм цифровой идентификации (например биометрии) или по уже накопленным базам данных.

Многие авторы этого раздела согласны в том, что основанные на данных решения деполитизируют вопросы о том, кто должен получить помощь от социальных служб. В тексте о социальной политике в Колумбии в период пандемии Джоан Лопес показывает, что выдача социальной помощи через автомати-

зированные системы позволяет чиновникам снимать с себя ответственность, отмечать претензии граждан как несостоятельные (р. 126–128). Такие апелляции к решениям, основанным на данных, выводят вопрос о получателе социальной помощи из политического поля.

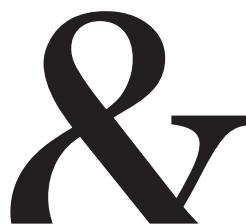
Четвертая тема – технологические реконфигурации в период dataфицированной пандемии (*technological reconfigurations in the datafied pandemic*). Авторы анализируют, как пандемия перестраивает использование социальных медиа в Иране, кооперативных интернет-провайдеров в Южной Африке, что происходит с неперсональными данными в Индии и так далее. Особого интереса заслуживает текст про «суверенный Рунет», подготовленный командой исследователей «ResisTIC», базирующейся во Франции (р. 174–179). Авторы считают, что из-за пандемии предпринимаемые российским государством меры по усилению контроля над интернет-инфраструктурой оказались ослаблены, – несмотря на то, что сами по себе политические попытки масштабировать технологии надзора (*surveillance*) и контроля над интернетом усиливаются. Последнее в свою очередь вызывает новые формы низовой самоорганизации и сопротивления со стороны российских цифровых активистов.

} **Юг не может быть сведен к конкретным пространствам – вместо этого, существует многообразие «Югов», элементы которых могут быть обнаружены и в странах глобального Севера.** }

Пятая тема – разновидности пандемической солидарности и сопротивление снизу (*pandemic solidarities and resistance from below*). Авторы этой части сборника работают с тем, как социальные агенты реагировали на вызванные пандемией изменения. Особое внимание в разделе уделено деятельности волонтеров, современных художников, активистов разного рода, включая представителей коренных народов. Если объектами исследований, включенных в предыдущие разделы, зачастую становились большие (инфра)структуры или объекты, то в завершающую часть сборника вошли исследовательские тексты о многообразии форм коллективной креативности и сопротивления. К примеру, Киноко Мерини пишет о том, как китайские активисты использовали *GitHub*⁶, чтобы собирать связанные с COVID-19 материалы, не прошедшие через официальную цензуру (р. 216–220).

⁶ *GitHub* – сайт, где программисты делятся друг с другом исходным кодом разрабатываемого ими программного приложения.

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ
ПАНДЕМИЯ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ НА ГЛОБАЛЬНОМ ЮГЕ

ДМИТРИЙ МУРАВЬЕВ

ПАНДЕМИЯ И ЦИФРОВЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ НА ГЛОБАЛЬ-
НОМ ЮГЕ

Хотя все темы сборника и переплетаются между собой, внутри них можно обнаружить проблематику, особо релевантную для представителей конкретных исследовательских полей. Так, первая тема будет особенно интересна исследователям, работающим с темами приватности и наблюдения; вторая – исследователям социального неравенства, маргинализированных групп; третья – изучающим социальную политику; четвертая – специалистам в области медиа и технологий; пятая – тем, кто исследует активизм и социальные движения.

Сборник «COVID-19 from the Margins» позволяет получить представление о том, как именно цифровые технологии становятся частью социальных, политических и культурных процессов, связанных с пандемией, в странах и контекстах, о которых – в силу недостаточной заинтересованности – западный читатель знает не так много. Вместе с этим представленное в сборнике новое понимание глобального Юга ставит, как кажется, и новые вопросы на пересечении географии и социальности. Если понятие Юга теряет свою географическую привязку, приближаясь по смыслу к «месту» и «посреднику» сопротивления, то не становится ли вопрос о различии между глобальным Югом и глобальным Севером проблемой исключительно баланса власти? Можно ли и дальше говорить о каком-то смысле этих понятий?⁷ Если иметь в виду более длинную историческую дистанцию, то есть риск, что традиционное понимание, фокусирующееся исключительно на противопоставлении доминирования и сопротивления, обесценит те практики, политики и эпистемологии Юга, которые выходят за пределы его маргинальной позиции.

⁷ Интересующимся этой темой читателям можно порекомендовать специальный выпуск журнала «Социологическое обозрение» о глобальном Востоке (2020. Т. 19. № 3).